

*Три пути мудрости — это
Любовь,
Парадокс,
Перемены.*

*Дэн Миллман, чемпион мира
по прыжкам на батуте*

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

1. Я умираю

Однажды мы все умрем.

*Источник:
интервью со случайным
прохожим на улице*

Итак, я умираю.

Случилось это быстро и неожиданно.

Смерть застала меня врасплох. Я услышал страшный грохот. Я обернулся и увидел нос «Боинга-747» (видимо, заблудившегося в результате забастовки диспетчеров). Он появился в проеме окна, снес стену и понесся по моей гостиной, круша мебель и давя безделушки. Он мчался прямо на меня.

Вы можете быть любителем приключений, вы можете считать себя исследователем и первооткрывателем, но в один прекрасный день вы столкнетесь с проблемой, которую не сможете решить. Во всяком случае, самолет, который смел с лица земли мою гостиную, стал проблемой, которую я решить не смог.

Все происходило, словно в замедленной съемке. С ужасающим грохотом комната рассыпалась вокруг меня на куски. Сквозь огромные клубы пыли и летящие во все стороны обломки я увидел лица пилотов. Один был высокий и худой, другой — маленький и лысый. Они выглядели изумленными. Они, видимо, впервые заехали за

пассажиром прямо к нему домой. Лицо высокого и худого исказилось от ужаса, а маленький и лысый явно пребывал в совершенной панике. Я не слышал их из-за шума, хотя один из них разинул рот и точно очень громко что-то вопил.

Я отступил, но набравший скорость самолет приближался слишком быстро, к тому же «Боинг-747» не может резко тормозить. Понимая бессмысленность своих действий, я крепко зажмурился, придал лицу покаянное выражение и закрыл его ладонями. В тот миг я еще надеялся, что вторжение окажется кошмаром.

Я ждал. Впрочем, недолго. Наверное, десятую долю секунды, но она показалась мне бесконечной. Потом я почувствовал удар. Меня очень сильно толкнули, потом прижали к стене и раздробили. Затем стало тихо и темно. Такие вещи всегда удивляют. В смысле, удивляют не только ошибки наземных диспетчеров «Боинга», но и собственный конец.

Я не хочу умирать сегодня. Я еще слишком молод.

Я ничего не вижу, ничего не слышу, не улавливаю никаких сигналов из внешнего мира. Так... Нехороший признак... Нервная система пока располагает небольшим потенциалом. Мое тело, быть может, еще «подлежит восстановлению». Если повезет, то «скорая помощь» приедет вовремя. Они снова запустят сердце, подлатают там и сям переломанные руки и ноги. Я долго буду лежать в постели, но постепенно все вернется на свои места. И близкие скажут, что я выжил чудом.

Я жду «скорую помощь». Сейчас она приедет. Чего они там копаются? Я понял. В это время везде пробки.

Я знаю, что нельзя расслабляться. Смерть приходит, когда человек слишком расслабляется. Надо заставить работать мозг. Надо думать. О чем?

Вот, буду вспоминать детскую песенку.

*Жил на свете маленький кораблик,
Жил на свете маленький кораблик,
Который еще не ходил в плавание,
Который еще не ходил в плавание...*

Какие там дальше слова?

Все, память тоже забастовала. Библиотека закрывается.

Мой мозг умер, я точно это чувствую, но я... продолжаю думать. Декарт ошибся. Можно «уже не существовать», но «еще мыслить». Даже не только мыслить, но и прекрасно осознавать происходящее. Я никогда так четко не осознавал то, что происходит вокруг.

Я чувствую, что сейчас случится нечто очень важное. Я жду. Вот. Мне кажется... мне кажется, что... из меня струится какой-то дымок. Дымок, который принимает форму моей телесной оболочки. Он похож на мою прозрачную копию!

Неужели это моя «душа»? Это призрачное «второе я» медленно исходит из верхней части моего черепа. Я испытываю страх и сильное возбуждение. Я раскачиваюсь в воздухе.

«Второе я» смотрит на мое тело. Оно раздроблено на мелкие кусочки. Да, надо признать, что если не найдется хорошего хирурга — любителя пазлов... то оно не подлежит восстановлению.

Невероятное ощущение! Я лечу. Я поднимаюсь.

Какая-то серебряная нить, словно пуповина, еще связывает меня с телом. Я улетаю, серебряная нить натягивается.

*Жил на свете маленький кораблик,
Который еще не ходил в плавание...*

Маленький кораблик — это я. Я плыву. Я лечу. Я отдаляюсь от своего тела. Я уже могу рассмотреть «Боинг-747». Он искорежен. Я охватываю взглядом весь мой бывший дом целиком. Он похож на слоеный торт: этажи обрушились друг на друга.

Я парю над крышей. Я — в небе.

Но что я здесь делаю?

«Я профессор факультета антропологии Парижского университета, и я думаю, что могу ответить на ваш вопрос. Можно утверждать, что человеческая цивилизация родилась в тот момент, когда приматы перестали относиться к телам умерших сородичей как к мусору, а начали убирать их цветами и ракушками. Первое захоронение с украшениями обнаружено в районе Мертвого моря. Его возраст, согласно углеродному анализу, колеблется от четырнадцати до ста двадцати тысяч лет. Это значит, уже в те далекие времена люди верили, что смерть влечет за собой „магические“ последствия. Надо заметить, что одновременно появилось нефигуративное искусство, пытавшееся изобразить эту „магию“.

Позднее авторы первых фантастических произведений постарались представить себе „жизнь после смерти“. Кстати, явно для того, чтобы победить свой страх...»

*Источник:
интервью со случайным
прохожим на улице*

Что-то привлекает меня там, вверху. Ах, это тот самый знаменитый свет. Теперь я наконец узнаю. Что происходит после жизни? Что находится над видимым миром?

Я лечу над своим городом.

Я лечу над своей планетой.

Я покидаю окрестности Земли. Моя серебряная нить натягивается еще больше и в конце концов рвется.

Теперь возвращение уже невозможно. Теперь действительно все покончено с жизнью в теле Мишеля Пэнсона, человека, кстати, очень приятного, но имевшего неосторожность умереть.

В тот момент, когда я покидаю «жизнь», я понимаю, что всегда рассматривал смерть как нечто, происходящее с другими. Как миф. Во всяком случае, как испытание, которого я могу избежать.

Однажды умираем мы все. И сегодня настала моя очередь.

Я думаю, что после смерти ничего нет. Вообще ничего. Я думаю, что человек продолжает жить в своих детях, а потом — в детях своих детей, и так далее... Дети несут во времени наш маленький факел бессмертия.

*Источник:
интервью со случайным
прохожим на улице*

2. Большой прыжок

Я знаю, что выбора у меня уже нет. Земля стала песчинкой вдали. Оставшиеся на ней фрагменты моего прежнего тела уже нашли пожарные.

Странно, но мне кажется, что я слышу их голоса. «Какая катастрофа! Да, не каждый день самолет въезжает в дом. И как теперь искать тела в этом месиве бетона?»

Ну, это уже не моя проблема.

Чудесный свет притягивает меня. Я направляюсь к центру галактики. Наконец, я его вижу. Континент мертвых — это черная дыра, расположенная посреди Млечного Пути.

Она похожа на отверстие стока в раковине, куда, как вода, спиралью уходит все вокруг. Я приближаюсь. Она напоминает трепещущий цветок, гигантскую орхидею, состоящую из вращающейся световой пыли.

Дыра засасывает солнечные системы, звезды, планеты, метеориты. И меня тоже.

Я вспоминаю карту континента мертвых. Семь небес. Я подплываю к... Первому небу. Это голубая коническая зона. Чтобы попасть в нее, нужно пройти сквозь звездную пену.

«Каждый год на Земле рождаются миллионы людей. Они превращают тонны мяса, фруктов и овощей в тонны экскрементов. Они суетятся, воспроизводят себе подобных, а затем умирают. Ничего сверхъестественного, просто в этом заключается смысл нашего существования. Родиться. Есть. Суетиться. Воспроизводить. Умереть.

Нам-то кажется, что мы очень важны, потому что издаем ртом звуки, двигаем руками и ногами. Но я вам говорю: мы ничтожны и станем тленом, а затем прахом».

*Источник:
интервью со случайным
прохожим на улице*

Теперь, на пороге континента мертвых, я чувствую рядом с собой чье-то присутствие. Другие умершие, словно рой мигрирующих бабочек-монархов, тоже летят к свету.

Жертвы дорожных происшествий. Осужденные на смерть и казненные преступники. Замученные заключенные. Неизлечимые больные. Невезучий прохожий, на голову которому свалился цветочный горшок. Любитель природы, перепутавший ужа и гадюку. Непривитый от столбняка мастер на все руки, оцарапавший палец ржавым гвоздем.

Некоторые сами искали приключений на свою голову. Любители полетов в тумане, не умевшие вести машину по приборам. Лыжники, катавшиеся не по лыжне и не заметившие оврага. Парашютисты, чей парашют превра-

тился в горящий факел. Недостаточно внимательные дрессировщики диких зверей. Мотоциклисты, решившие, что успеют обогнать грузовик.

Это умершие сегодня. Я приветствую их.

Но вот я вижу силуэты гораздо более знакомые. Они летят совсем рядом. Они почти касаются меня. Роза, моя жена! Амандин, моя бывшая любовница!

Я вспоминаю.

Они находились в соседней комнате в тот момент, когда «Боинг-747» врезался в наш дом в Бютт-Шомоне. С этими женщинами я совершил великое путешествие танатонавтов.

Слово «танатонавт» имеет два корня. «Танатос» — смерть. «Навтос» — навигатор.

Его придумал мой друг Рауль Разорбак. Появилось слово — появилась отрасль знания. Появилась отрасль знания — появились люди, ее изучающие. Мы построили танатодромы, мы занялись танатонавтикой.

Нашей целью стало познать *терра инкогнита* под названием «после жизни». И мы достигли этой цели. Мы приподняли завесу последней великой тайны, тайны человеческой смерти. Все религии говорят о ней, все мифы описывают ее при помощи более или менее точных метафор. Мы первыми рассказали об этой тайне так, словно открыли «нормальный» новый континент.

Мы боялись, что не сможем довести свои исследования до конца. И «Боинг-747» действительно врезался в наш дом, потому что мы слишком обеспокоили «высшие сферы».

И вот я вижу то, что мы открыли... но билет у меня в один конец. Нити разорваны, и я прекрасно знаю, что на этот раз мы не сможем вернуться в наши прежние тела. Мы углубляемся в сужающийся конус вихря. Мы пересе-

каем первую зону до конца и добираемся до стены в виде непрозрачной мягкой мембраны. Поскольку МАХ-1 считается первым звуковым барьером, мы с друзьями решили назвать первую стену смерти МОК-1. Сегодня мы вместе ее преодолеваем.

Я медлю. Остальные проходят без колебаний. Была не была. Я следую за ними. Мы вступаем на...

«Возмутительно. Совершенно возмутительно. Я — медсестра в центре паллиативной помощи. Облегчая страдания умирающих людей, я составила обо всем свое собственное мнение. Я нахожу все это возмутительным. Я считаю, что мы делаем вид, будто смерти не существует. Внуки видят, как однажды за бабушкой приезжает машина „скорой помощи“ и увозит его в больницу. Затем в течение нескольких недель они находятся в неведении, пока вдруг им не сообщают по телефону, что бабушка умер. В итоге новое поколение не знает, что такое смерть. Потом эти внуки взрослеют, стареют и, ощущая близость уже своей смерти, впадают в панику. Не только потому, что теперь речь идет об их собственном исчезновении, но еще и потому, что они сталкиваются с чем-то совершенно неизвестным. Если бы я могла дать внукам совет, то он звучал бы так: „Не бойтесь, навещайте ваших бабушек и дедушек в больнице! Вы получите там самый главный урок... жизни“».

*Источник:
интервью со случайным
прохожим на улице*

...Второе небо. Черную зону разнообразных страхов.

Они вышли из глубин моего воображения и воплотились в монстров. Тьма. Дрожь. Меня встречают глумливые чудовища, современные бесы.

На девяти более или менее крутых карнизах меня ждут мои самые отвратительные видения. Но вверху по-прежнему сияет свет. Он ведет меня вперед.

И я преодолеваю все свои страхи, я иду во мраке прямо на них. Я приближаюсь ко второй двери, к новой непрозрачной мембране. МОК-2. Я прохожу сквозь стену и вступаю в...

«Я вдова. Я находилась рядом со своим мужем до самых последних его дней. Его болезнь можно разделить на пять этапов. Сначала он гнал прочь мысль о смерти. Он требовал, чтобы мы продолжали вести точно такую же жизнь, как и прежде, он говорил о своем возвращении домой после выздоровления. Затем, когда врачи объявили ему, что он обречен, он пришел в ужасный гнев. Казалось, он ищет виновного. Он обвинил своего лечащего врача в некомпетентности, а меня в том, что я поместила его в плохую больницу. Он говорил, что я хочу завладеть его деньгами и нарочно все это устроила, чтобы как можно скорее получить наследство. Он упрекал всех в том, что его бросили, что посещают его недостаточно часто. Надо сказать, он стал настолько невыносимым, что даже детям не хотелось приходить к нему. Потом он успокоился. Начался третий этап, который можно назвать этапом торговли. Он словно торговался: хорошо, я обречен, но я хочу дотянуть до своего дня рождения или, уж во всяком случае, до следующего Кубка мира по футболу. Я должен увидеть полуфинал. Или, по крайней мере, четвертьфинал.

Когда он понял, что надежды действительно больше нет, он впал в депрессию.

Это было ужасно. Он перестал разговаривать, он прекратил есть. Он словно потерял интерес ко всему разом. Он больше не боролся. Силы его оставили. Он напоминал оглушенного ударом боксера, который больше не защищается, а висит на веревках в ожидании решающей атаки противника.